

Канси продолжал:

— Твоя матушка разрешила тебе съесть сегодня только этот один кусочек.

Он уже так рано и совершенно интуитивно научился казаться добрым в глазах ребенка, выставляя Наложницу Дэ в дурном свете!

Наложница Дэ кивнула и подтвердила:

— Верно, сегодня только один кусочек.

Да и этот кусочек она не позволит ему съесть целиком: чуть позже подберется удобный момент, и она у него все заберет!

Иньцзо еще не догадывался, какие коварные планы строит его матушка, но леденец из Цзяннаня был таким безумно вкусным — ароматным и сладким! Иньцзо, проявив сообразительность, принялся евозить по нему своими единственными двумя зубками, похожими на рисовые зернышки. От такого способа сладость казалась еще сильнее!

Поедая конфету, Иньцзо слушал разговор Наложницы Дэ и Канси. Они обсуждали чье-то празднование долголетия. Иньцзо поначалу ничего не понял, да и слушать было неинтересно. От скуки его маленькая загребушая лапка снова потянулась к большой руке Канси — ему ужасно хотелось продолжить игру!

Рука Канси моментально сделалась липкой. Выражение лица Сына Неба мгновенно переменялось, а вот у главного виновника этой сцены глаза сияли абсолютной, невинной чистой.

Ну что тут поделаешь? Это же его собственный кровный сынок, к тому же еще не доживший до года. Что Канси мог поделать? Лишь бросил на отпрыска свирепый взгляд. Но малыш даже не испугался, и у Канси не осталось ни единого способа унять проказника.

Канси заново смочил платок и принялся тщательно тереть руку раз за разом, пока полностью не избавился от ощущения липкости. Напоследок он слегка погрозил Иньцзо пальцем и проворчал:

— Паршивец!

А вот Иньцзо нашел внезапную перемену в выражении лица Канси весьма забавной. Его блестящие черные глазки лукаво сверкнули. Выслушав упрек, он с самым послушным и невинным видом продолжил усердно грызть леденец. Тем временем Канси принялся расспрашивать Наложницу Дэ: раз сын уже учится говорить, то с какого возраста им начинают прививать правила приличия?

Все дело было в том, что император до сих пор таил обиду на младшего сына за то, что тот

обошелся с его рукой как с игрушкой. Ему хотелось, чтобы маленький наследник относился к нему, своему отцу и государю, с должным почтением и соблюдал все правила — словно те знакомые ему старшие агэ.

Наложница Дэ придерживалась совсем иного мнения. Сын еще совсем мал, к тому же он такой живой и прелестный — что здесь может быть не так? После того как мальчик вырвался из лап смерти, у Наложницы Дэ осталось лишь одно чувство к младшему сыну — всеобъемлющее баловство. Она абсолютно не видела в ребенке никаких изъянов: да сколько ему вообще лет? До учебы манер и правил еще расти и расти.

Однако смелости крохе было не занимать. Не наигравшись вдоволь со своим привередливым папашей, он переменял мысли в маленькой головке. В нем разыгрался дух озорства, и он снова поддался всем телом на Канси, уткнувшись макушкой тому в плечо, а липкими ладошками уперевшись прямо в грудь.

Но и это еще не было главным. Главное заключалось в том, что его пухлые щечки наконец прижались к щеке и шее Канси, щедро измазав их слюной.

Подвергшийся нападению Канси весь вздрогнул, а по коже пробежали мурашки. Боги мои, даже если это его собственный родной сын, и даже если ему еще нет года, терпение Канси лопнуло:

— Иньцзо!

Канси подхватил за шкурку прильнувший к его плечу комочек, но тот, совершив свое грязное дело, ни капли не испугался отцовского гнева и залился звонким, счастливым смехом!

Глава 6

Стоило Канси поднять Иньцзо на весу, как тот рассмеялся еще заливистей, решив, что это превосходная игра. Чистый, радостный детский смех доставил Канси куда больше головной боли, чем самые изощренные придворные интриганы, — те по крайней мере умели заглядывать императору в лицо.

Прислуживавшие в комнате люди лишились дар речи, потрясенные столь дерзким нападением со стороны маленького агэ. Даже Лян Цзюгун, неотлучно следовавший за Канси с самого детства, никогда еще не видел своего господина в таком растерянном и жалком виде. Лян Цзюгун с одной стороны принялся поторапливать слуг принести влажные полотенца, а с другой — мысленно дивился тому, что этот маленький агэ поистине слепой щенок, который ничего не боится.

Но оказалось, что предел дерзости еще не достигнут! Маленький агэ, которого повелитель держал за воротник на весу посреди комнаты, вдруг замахал ручонками и выпалил:

— Лечу, лечу!

Он что, вообразил, будто отец играет с ним?

У этого маленького агэ от рождения храбрости больше, чем у остальных, что ли?

Иньцзо вовсе не считал, что поступает неправильно. Ему еще ни разу не доводилось играть с папой, а ведь он так этого хотел! Он уже простил папе то, что тот раньше его потерял. Теперь, когда папа наконец рядом, Иньцзо страстно желал поиграть с ним. Это было так же радостно, как есть конфету — пожалуй, даже еще радостнее.

В памяти крошечной головки словно лежал плотный слой тумана, но сквозь эту дымку пробивалось смутное стремление, превратившееся в целый список желаний. Например, ему казалось, что можно было бы даже прокатиться верхом на шее у Канси.

Настоящая родительская забава — покататься на большой лошадке!

Никто и представить не мог, какие дерзкие, грандиозные замыслы роятся в этой крошечной головке. Даже происходящего сейчас было более чем достаточно, чтобы всех шокировать. Наложница Дэ в панике подхватила сына на руки и обратилась к Канси:

— Иньцзо еще мал и не понимает. Прошу императора о милосердии.

Подумать только! Ну что ты будешь делать с таким крохой? Даже если Канси злился так, что из ушей шел дым, неужели он станет заставлять этого малыша переписывать трактаты или прикажет бить его палками?

А маленький проказник тем временем склонил голову набок и с явным сожалением переспросил:

— Лечу?

Канси ожесточенно тер платком собственную шею и щеку, но сколько бы ни оттирал, ему все казалось, что на коже осталась липкая от сладостей слюна сынишки. Этот отец испытывал самое подлинное отвращение.

Вот будущие папаши из грядущих веков способны и подгузники малышам менять, и ножки их целовать, а если их слюнявят — так и вовсе сияют от счастья. А нынешний отец никак не тянул на звание образцового родителя, не дотягивая до мизинца тех идеальных отцов.

К тому же этот несостоявшийся родитель всерьез опасался, что Иньцзо учудит еще какую-нибудь непредсказуемую пакость, и в конце концов просто-напросто сбежал.

Шаги императора Канси утратили привычную невозмутимость: он вышагивал быстро и размашисто. Лишь отойдя на изрядное расстояние, он немного замедлил ход. Проведя рукой по щеке — той самой, которую потерялся мягкий детский лоб и на которой осталась слюна, —

он нахмурился и снова пробормотал:

— Паршивец!

Шедший следом Лян Цзюгун едва сдерживал смех, однако боялся поднять глаза, чтобы император не заметил.

На этот раз Канси пробыл у Иньцзо гораздо дольше, чем планировал изначально. Сначала ему казалось, что искренний и жизнерадостный малыш помогает расслабиться, и он даже подумывал заглядывать к младшему сыну почаще.

Но теперь впечатления Канси отпрыска кардинально переменялись: этот сорванец оказался тем еще сгустком неприятностей, и император окончательно отбросил мысли о том, чтобы навещать вредного мальчишку на регулярной основе.

Что же касается Иньцзо, то он теперь прочно обосновался в самом сердце Наложницы Дэ. После ухода Канси она даже не подумала ругать сына, зато еще несколько раз терпеливо повторила ему, как нужно называть императора-отца.

<http://bllate.org/book/26964/3249342>